

Последняя, пятая, глава монографии посвящена теме языкового планирования и языковой политики в Беларуси. Автор знакомит читателя с языками, находящимися в похожем положении как блр.яз. как на территории Европы, так и быв. СССР. В главе проводятся параллели между бывшей идеологией чехословацкого языка и сосуществованием рус. и блр. яз., что, как автор сама замечает, по своим причинам и проявлению представляет собой два разных явления.

В заключение можно сказать, что, несмотря на некоторые недостатки, монография представляет собой незаменимый источник, осведомляющий чешских читателей с белорусской языковой политикой, ситуацией и ее причинами в широком культурном и языковом контексте. К сожалению, именно ширина проблематики в **некоторых случаях идет в ущерб научной глубине**. Необходимо оценить, что автор, в отличие от некоторых других белорусских лингвистов, относится к языковой ситуации весьма трезво и объективно. Кроме того, данная монография в очередной раз показывает, что без политической поддержки и переориентации Беларуси на Евросоюз улучшения языковой ситуации в Беларуси ожидать нельзя. Однако, не смотря на неблагоприятную языковую ситуацию, блр.яз. оказывается более жизнеспособным и упорным, чем иногда предполагается, выражая свою живучесть именно появлением трясанки (или ее эквивалентов), которую, таким образом, нужно считать не проявлением дегенерации, а, наоборот, средством регенерации современного блр.яз.

Литература

- Вулхайзер, К.: *Сацыялінгвістычныя аспекты дывергентнага развіцця беларускіх гаворак сучаснага польска-беларускага пагранічча*. В сб. *Беларуская мова*. Минск, 2001, 185–199.
- Жураўскі, А.І.: *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Минск, 1967. Т.1.
- Лукашанец, А. и др.: *Беларуская мова*. Opole, 1998.
- Чекмонас, В.: *Из истории формирования белорусских говоров*. В сб. *Белорусская мова*. Минск, 2001, 29–46.
- Giger, M.: *Jazyk jako symbol a rituál: otázka funkčních domén běloruštiny*. In: *Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model*. Ed. A. Ivanova, J. Tuček. Praha 2006, 284–310.
- Novotná, P.: *Glottochronologie baltoslovanských jazyků*. In: **Vademecum Graeco-Latinum Brunensae**. Brno, 2006, 104–108.
- Stang, Ch.S.: *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*. Oslo, 1935.
- Večerka, R.: *Jazyky v komparaci*. 2. Praha, 2009.

Станислав Оплатек

Норман, Б.Ю.: Лингвистическая прагматика. На материале русского и других славянских языков. Курс лекций. Минск, Белорусский государственный университет, 2009. 183с. ISBN 978-985-518-267-3

Автором рецензируемой работы является доктор филологических наук Борис Юстинович Норман, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета в Минске. Книга посвящена лингвистической прагматике. Термин „прагматика” стал употребляться в языкознании относительно недавно для обозначения плана или аспекта языковой системы, связанного с тем лицом, которое пользуется языком в ситуации речи, т. е. с функционированием языка речи говорящего. Выделение прагматики в качестве особой области языкознания началось в 60-х – начале 70-х гг. XX в. Само понятие и термин были введены американским ученым Чарльзом Моррисом (Charles Moris) в конце 30-х гг. XX в. Эта теоретическая дисциплина может быть применена к фактам русской речи. Книга состоит из 10 лекционных тем. В них показывается, как говорящий с помощью языковых средств регулирует свои отношения с собеседником. Основным источником материала

послужили тексты русской художественной литературы, содержащие многообразие отношений в человеческом обществе. В сопоставительном плане представлен также материал других славянских языков: белорусского, болгарского, польского, сербского, чешского. Эти сопоставления лишь фрагментарны, по словам автора, они представляют скорее намек на возможность сопоставительно-прагматического исследования славянских языков, чем само такое исследование.

Настоящее пособие обобщает лекционный опыт автора. Оно включает в себе 10 тем. Им предшествует „Предисловие” (с. 3–4). Автор в нем знакомит читателя с предметом лингвистической прагматики как с наиболее перспективным направлением современного языкознания и объясняет, что является его целью.

В первой лекции („Лингвистическая прагматика: Проблемы и принципы. Место прагматики в плане содержания языкового знака”, с. 5–24) говорится о том, что данная дисциплина тесно связана с теорией речевых актов. В сферу лингвопрагматики входит отношение говорящего и слушающего к предмету речи. Обилие в речи т. наз. непрямых речевых актов заставляет лингвистов различать локуцию (т. е. то, что непосредственно говорится, ср.: *Звонят* – констатация факта) и иллокуцию (т. е. то, что имеется в виду, ср.: *Звонят* – просьба: открой дверь). Автор подчеркивает здесь, что одна и та же иллокутивная интенция может быть воплощена в разных высказываниях, в том числе и в таких, которые, казалось бы, имеют совсем посторонний смысл. Поэтому в наглядной таблице рассматриваются примеры непрямых речевых актов, с которыми можно столкнуться в повседневной жизни (см. с. 20).

Если человек вынужден вступить в контакт с другим человеком, он должен прежде всего обратиться к нему. Для этого у него есть множество возможностей и все они обусловлены конкретной ситуацией. Какие названия может выбрать говорящий по-русски, описывается во второй лекции („Имя собственное и имя нарицательное в контексте называния и обращения”, с. 25–42). Естественным обращением собеседника по-русски является использование его имени собственного – антропонима, которое состоит из трех частей – личного имени, отчества и фамилии (ср.: *Анатолий Аркадьевич Черкасов*). Отчество в каком-то смысле является показателем социальной зрелости человека. Обращение только по фамилии – это сфера официоза. Наиболее нейтральным вариантом применительно к взрослому и не очень близкому человеку – это имя-отчество. Довольно патриархально выглядит обращение только по отчеству; в молодежной сфере, по словам автора, оно используется как жаргонное наименование. После развала СССР стали возможны двучленные номинации типа *Дмитрий Медведев*. Этот феномен спровоцирован влиянием западноевропейских языков. В живой разговорной речи возможны комбинации разговорного имени и отчества (ср.: *Петя Саввич*). Для русского речевого обихода типичны некоторые гендерные особенности обращения: женщина обращается ко своему мужу или любовнику по фамилии, наоборот, мужчины своих спутниц называют часто по уменьшительному имени и отчеству (ср.: *Татьяночка Сергеевна*). Интересный феномен представляет язык внутрисемейного общения (т. наз. фамилиолект, т. е. язык семьи). Например, ребенка в семье называют своим, особым „домашним” именем (например, человека по имени *Инполит* в семье называют *Ина*). Существуют также случаи апелляции (ср.: *донжуан, иуда, Павлик Морозов*).

Важнейшим инструментом коммуникативных технологий оказываются личные местоимения. Их прагматическим чертам посвящена третья лекция („Лингвопрагматические особенности личных местоимений”, с. 43–62). Личные местоимения расставляют ориентиры, необходимые для совершения речевого акта. Местоимение 1-го лица единственного числа *я* находится в центре личной сферы говорящего; оно не используется в переносном значении. Прямое и естественное назначение местоимения 2-го лица единственного числа *ты* – обозначает адресата. В настоящей лекции указывается масса случаев его употребления в переносных значениях (замена местоимения *ты* существительным с оценочной окраской,

ср.: *Посадят не цепь дурака* „тебя дурака”, замена на 3-е лицо может носить авторский, окказиональный характер, ср.: *А как он думает?* „А как ты думаешь?”). Для обозначения адресата употребляется также вежливое *вы*. 3-е лицо единственного числа (*он, она, оно*) не связано с участием в диалоге. Местоимение 1-го лица множественного числа *мы* автор считает прагматически самым богатым. Оно на самом деле означает „я” + „кто-то другой”. Подобно местоимению 2-го лица множественного числа *вы* означает группу собеседников („ты + ты + ты ...” или „ты + он или она”). Местоимение 3-го лица множественного числа *они* наполняется также особыми прагматическим оттенками; между прочим, с его помощью можно обозначить собеседника (ср.: *Нам не верят* „ты нам не веришь”).

В четвертой лекции („*Лингвопрагматические особенности притяжательных, вопросительных, указательных местоимений*”, с. 63-81) рассматриваются с прагматической точки зрения притяжательные, вопросительные и указательные местоимения. Притяжательные местоимения обозначают отношение предмета к другим предметам. Семантически они производны от личных (ср.: *Он молчит* > *Его молчание*). На конкретных примерах иллюстрируется проблема выбора местоимений *мой, твой, свой, наш, ваш, его, ее* их.

Для вопросительных местоимений самое естественное место в высказываниях, направленных на запрос информации (ср.: *Сколько времени?*). В сложных предложениях они становятся основой для класса союзных слов; тогда их называют относительными местоимениями. Обращено здесь внимание на то, что в определенных контекстах разговорной речи и просторечия вопросительные местоимения выступают в роли неопределенных (ср.: *Ты ел чего?*). Упомянуты здесь также риторические вопросы, выполняющие не коммуникативную, а эмотивную функцию.

Указательные местоимения как в русском, так и в остальных славянских языках в первую очередь воплощают в себе дейктическую и анафорическую функции. Они несут вторичную, прагматическую нагрузку. Напоминается здесь необычная частота их употребления в разговорном чешском языке. Они выражают эмоциональный настрой говорящего, усиления побуждения или оценки (ср.: *Ten Filip ten prach zase neutřel*). Аналогичные контексты можно найти также в русском языке. Данные слова приближаются к экспрессивным частицам (ср.: *Эти туманы, эти ветра наши*). Далее анализируется роль указательных наречий; их коммуникативные функции те же, что у указательных местоимений.

Прагматика связана с возможностью разного отношения говорящего к собеседнику, к предмету речи, к обстоятельствам, в которых происходит общение. Могут, однако, возникнуть недоумения, так как грамматика сравнительно редко предлагает говорящему (и слушающему) какую-то альтернативу в использовании флексий, суффиксов, синтаксических моделей и т. п. В пятой лекции („*Прагматика и грамматика. К постановке проблемы*”, с. 82-95) автор в настоящей лекции отмечает, что есть основания говорить о прагматическом аспекте как об очень важной составной части грамматического описания. Приводятся им факторы, обуславливающие такой подход. В общем полагается, что грамматика не лишает говорящего принципиальной возможности выбора единиц (например, употребление мертвых, отживших форм, в один и тот же период в языке соседствуют отмирающие и нарождающиеся явления, заведомое нарушение грамматических правил), так что она обладает прагматическим аспектом.

Использование морфологических категорий имени существительного в прагматическом аспекте обсуждается в шестой лекции („*Грамматические категории имени существительного /род, число, падеж/ и их грамматическая значимость*”, с. 96-112). Что касается грамматического рода, то он, по сути, участвует в формировании лексического значения. Колебания наблюдаются у существительных с основой, заканчивающейся на мягкий согласный (ср.: *лебедь, шампунь, путь* и др.), далее у т. наз. существительных общего рода (ср.: *бедняга, сирота, ханжа* и др.), а также *врач, директор, инспектор* и т. п., которые могут окказионально расширяться, ср.: *Дворник приготовила метлу*).

В основе категории числа лежит общее представление грамам множественного и единственного числа. Указываются причины возникновения отклонений; у существительных, приближающихся к *pluralia tantum*, нередко вызваны затруднения в употреблении единственного числа (ср.: *туфля // туфель, пельменя // пельмень*). Наоборот, использование сингулятивных форм для обозначения множественных явлений может означать, что произошла фразеологизация сочетания (ср.: *Платье с коротким рукавом*).

В сфере падежа имеются также варианты формы (ср.: тип *чашка чая // чашка чаю* – форма на -у сужает сферу своего употребления; или конкуренция падежей, обозначающих объект: *выпить молоко // выпить молока* – винительный падеж представляет его в целости, а родительный – в частности). Насчет несклоняемых существительных автор отмечает, что в этом отношении русский язык довольно консервативен, так как он очень медленно осваивает заимствования.

Седьмая лекция („Грамматические категории глагола – вид, время, лицо, наклонение – и их прагматика”, с. 113–128) дает анализ воздействия прагматики на грамматические категории глагола. Важнейшей категорией славянского глагола является категория вида. Она характеризует действие с точки зрения его применения. В русской речи встречаются явления окказиональной имперфективации (ср.: *Мотор вздрёвывал*). Выражение многократности иллюстрируется на примерах из чешского языка, где глаголы с таким значением регулярно образуются с суффиксом *-va-* (ср.: *chodíval, sedával*). Подобные русские формы считаются теперь архаичными (ср.: *хаживал, сиживал*). Многократность выражается в русской речи лексическими средствами (ср.: *Řikával jsem ti to – Я ему это несколько раз говорил*). При повторяющемся действии в русском языке возможен, в отличие от чешского языка, лишь несовершенный глагол (ср.: *Ykouří deset cigaret denně – Он выкуривает по десять папирос в день*). Наконец, затронуты способы выражения глагольного действия (начинательность, окончательность, ограничительность, однократность ...).

Глагольные формы времени указывают на ориентацию события по отношению к моменту речи. Говорящий может манипулировать временем. Например, действие в прошлом можно представить как настоящее время (т. наз. историческое настоящее), действие в будущем – как прошедшее и т. д. (ср.: *Я пошёл* означает не „я ухожу”, а „я ухожу и прерываю контакт”; *Я поехала с вещами, а ты приберёшь квартиру* – здесь „поехала” обозначает действие, которое еще не состоялось, но обязательно состоится в ближайший момент). Это составляет прагматический потенциал данной категории.

Для категории лица также весьма характерно употребление форм в переносных значениях. 2-е лицо единственного числа употребляется в обобщенно-личных предложениях. Под маской адресата сообщения здесь выступает по сути любой человек (ср.: *Маслом каши не испортишь*). Удобный способ устранения субъекта действия представляет транспозитивное употребление формы 3-го лица множественного числа (ср.: *Пишут из деревни ... сожгли у меня библиотеку в усадьбе*).

Регулярным морфологическим средством выражения модальности служит категория наклонения. Как подчеркивает автор, данное средство прагматично по самой природе, поэтому здесь разбираются отдельные отношения изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения. Попутно приводятся краткие сопоставления с ситуацией в славянских языках.

В восьмой лекции („Грамматические категории прилагательного и их прагматическая значимость”, с. 129–143) автор настоящего пособия задумывается над вопросом насколько употребление прилагательных мотивировано коммуникативной необходимостью. Приводит контексты, в которых указывает на то, как прилагательные играют конститутивную роль. Внимание обращено на позиционное распределение качественных прилагательных: если определений при существительном несколько, то качественное обычно начинает группу прилагательных (ср.: *зимний короткий петербургский вечер*). В качестве окказионализма

встречаются степени сравнения также от относительных прилагательных (ср.: *Потом всё, конечно, стало хуже, тусклее, мусорнее*). Подобно обстоит дело с краткими формами. При языковой игре возможно их образование от „запрещенных” глаголов (ср.: *Забор был длинн, ...плоский дух его колбасен*). Притяжательные прилагательные в XIX–XX в. были активнее, чем сегодня. Однако теперь постепенно они возвращаются в речевую практику. Однако прилагательные на *-ин // -ын* (ср.: *мамин, сестрин*) и *-ов // -ев* (ср.: *отцов, Игорев*) постепенно вытесняются формой зависимого родительного падежа (ср.: *кофта сестры, рубашка отца*). Затронут также вопрос функционирования прилагательного как инструмента идеологии. В текстах, представляющих тоталитарные и авторитарные режимы, слова становятся своего рода украшающими эпитетами (ср.: *братский привет, простая человек*). Функция эпитета здесь – создать текст, в котором оценочное значение преобладает над денотативным.

Среди синтаксических конструкций засвидетельствованы такие, которые продуктивны в прагматическом аспекте. Их использование предполагает выражение говорящим его отношения к собеседнику и к предмету речи. Такой тип конструкций анализируется в девятой лекции (*„Синтаксические конструкции под углом зрения лингвопрагматики”*, с. 144–160). Автором выбраны следующие: 1) конструкции с инфинитивом – выражают чаще всего приказание (ср.: *Спи мальчика, не реветь*), 2) конструкции с отглагольным существительными, они активны в официально-деловой речи (ср.: *Помещение в угрожающем состоянии по случаю прогития балок*), 3) конструкции, включающие в себя определенные падежные формы (ср.: *Ты мне там смотри* – выражение приказа; *Вы ему кто? – Я ему брат* – описание отношений между людьми; *Александра было так много, что ему хотелось поделиться собой друзьями* – „противоправное” применение родительного падежа – обозначение меры в применении к несчетным и неизменяемым объектам; *Вот так дура* – именительный падеж существительного в роли сказуемого с оценочной семантикой). Далее здесь приведены фразеологизированные синтаксические конструкции типа *Что не жених?*, *Что за характер?* Это синтаксические средства, причастные к выражению прагматических значений.

После фразеологизированных синтаксических конструкций автор приходит в своих изложениях к таким коммуникативным единицам, которые в синтаксическом отношении являются вообще нечленимыми. Их обыкновенно называют словами-предложениями. Они обсуждаются в десятой лекции (*„Синтаксические нечленимые высказывания под углом зрения лингвопрагматики”*, с. 161–173). Имеются в виду высказывания, состоящие из одного или нескольких слов, не обладающие синтаксической структурой, но выполняющие важные грамматические функции (ср.: *Да; Конечно; Ни за что!; Чёрт его знает!*). Они являются развивающимся, продуктивным и нормативным явлением современной разговорной речи. Их прагматический аспект обязательно учитывает ситуацию общения, отношение говорящего к собеседнику и к содержанию общения. Наиболее типичную часть нечленимых высказываний составляют междометия, далее изолированно употребляемые служебные слова (ср.: *Тьфу!, Если бы!, Что ли?, Отнюдь!*). Они встречаются в разговорной речи (в окказиональной ситуации). Проходимая проблематика настоящей лекции иллюстрируется на массе примеров, взятых чаще всего из диалогической речи.

В конце книги дается список литературы (*„Литература”*, с. 174–182), как ко всему курсу, так и к отдельным лекциям, и содержание (*„Содержание”*, с. 183).

Алеш Бранднер